

Опубликовано: Барандова Т.Л. Анализ визуальной коммуникации Уполномоченных по правам человека в регионах России // Публичная политика. 2017. № 2. С. 52 – 68.

Барандова Татьяна Леонидовна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Департамент прикладной политологии;
tbarandova@yandex.ru

АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Аннотация: Несмотря на закрепление в Конституции прав человека и демократической гражданственности как основ постсоветского социального государства, визуальные проявления коммуникации государственных правозащитных институтов и их организационная культура остаются инерционными. Соционормативная система регуляции в обществе допускает нарушения прав, связанных и с биологическими основаниями (раса, возраст, пол, здоровье), и характеристиками социального положения (этничность, национальность, пребывание мигрантом, нахождение в пенитенциарной системе, в медицинских и закрытых учреждениях, принадлежность к меньшинствам и группам риска) на фоне отсутствия специализированных антидискриминационных механизмов, даже не смотря на создание в дизайне органов управления государственных правозащитных учреждений и их деятельность по правовому просвещению населения. И в социальном, и в теоретическом аспектах, важную роль играют визуально-символические практики коммуникации этих агентов в регионах страны, определяя роль уполномоченных в социокультурном контексте российского общества.

---

¹ Статья написана на основании диссертации автора на получение степени кандидата социологических наук и была представлена в качестве стендового доклада на Российском социологическом конгрессе в г.Екатеринбурге в октябре 2016 года.

Неотъемлемыми составляющими и ориентирами для развития правовой культуры современного цивилизованного общества выступают международные программы ООН в сфере гражданского образования и обучения правам человека с расширением доступа населения к информации, включая Интернет. Российская Федерация присоединилась к основным международным документам, приняла обязательства по достижению социальной справедливости, развитию социальной сплочённости, преодолению неравенств, поддержке и инклюзии уязвимых групп населения.

Гражданская правозащитная культура требует целенаправленной деятельности общественных и государственных институтов, к которым относится Омбудсмен и российский аналог – Уполномоченный по правам человека в регионах (далее – УПЧ и/или РУПЧ). Его функции по защите прав, реабилитации пострадавших и инклюзии уязвимых групп населения, включают полномочия для работы по развитию правового сознания, формированию гражданской позиции социальных групп, улучшая их положение и способствуя социальной интеграции. Однако недостаточный уровень гражданской культуры и практик недискриминационного характера в деятельности самой организации может воздействовать негативно. Социокультурные техники, включающие использование визуальных форм коммуникации и символического дискурса, как и сами государственные правозащитные структуры, являются инновационными в коммуникационной культуре российского общества и практиках агентов социальной политики. Тем не менее, современные процессы социализации проходят при влиянии масс-медиа, переполненных визуальными знаками, активно воздействующими на формирование ценностей. Очевидна своевременность задачи изучения их визуальных социальных коммуникаций и гражданских правозащитных практик, расширения инструментария аналитической рефлексии для повышения квалификации их сотрудников, внедрения новых (современных) социокультурных технологий работы с населением.

Цель статьи: на основе проведенного исследования выявить характер правозащитных практик в визуальном дискурсе российских региональных Уполномоченных по правам человека. Исходная гипотеза заключалась в том, что социально-культурные и визуальные дискурсивные практики РУПЧ зависят от комплекса факторов, включающих уровень их профессиональной культуры, кадрового обеспечения организации, социокультурных особенностей региона, вовлеченности структур

гражданского общества, профессиональной биографии и стратифицирующих показателей уполномоченных: возраст, пол, образование, опыт общественной работы.

Эмпирическую базу составили результаты лонгитюдного авторского наблюдения развития становления РУПЧ, а также выполненного анализа элементов визуальных коммуникаций в качественно-количественном подходе с использованием смешанных методик критических дискурсивных исследований с пошаговым анализом данных, собранных с выделением показателей (предикторов и кодов) для последующего сбора и обработки материалов, проведенных посредством сплошного (скринингового) обзора веб-сайтов РУПЧ. Для интерпретации разработана авторская модель с использованием дескриптивных методов анализа выявленных элементов визуального материала в коммуникациях. Методологически исследование осуществлялось по следующим направлениям:

1) методом структурного контент-анализа изучены тексты Ежегодных докладов за 2007 год (N = 42, 2009), определившие фокус дальнейшего поиска для кодирования, а методом качественного анализа содержания изучены Специальные доклады по правовому просвещению за 2005 – 2013 годы (N = 3, 2013) и печатные материалы (N = 8, 2013), выявлены практики для уточнения инструментария;

2) проведен сплошной (скрининговый) обзор контента веб-сайтов на сентябрь 2015 года (N = 63, 2015), скомпонованы выборки для гендерного анализа (N = 82) и «коллективного портрета» (N = 63), а также по наличию визуальных социальных коммуникаций;

3) методом статистического распределения данных проведена их группировка по тематическим кластерам, и с помощью различных методик в зависимости от характера и типа материала, произведено их изучение, дескриптивное изложение и интерпретация:

а) Социокультурный анализ использования официальной символики в оформлении сайтов (N=63, 2015) в логике критических исследований репрезентации ценностей, идентификации, позиционирования;

б) Персональная презентация на фотопортретах (N = 57, 2015) проанализирована с помощью структурно-семиотического подхода;

в) Визуальные репрезентации социальных проблем и нарушений прав человека исследованы на основе статических визуальных текстов в оформлении материалов (N = 27, 2015) с применением структурной матрицы социокультурного фокусированного тематического анализа репрезентаций, выявлены уязвимые группы, определены дискриминирующие их аспекты;

Теоретическими основаниями для наиболее полного анализа дискурса визуальной культуры, представляется важным применить фундаментальные социологические теории, обладающие релевантной методологией. Интеграция структурно-функционалистского, социально-конструктивистского, неоинституционального, и интерпретативного подходов может помочь выявить культурные основания репрезентации господства и власти, производства социальных неравенств на основе гендера, расы, возраста, класса, этничности, культурных идентичностей и других, которые являются ключевыми в рефлексиях современной социальной теории [Йоас Х., Кнёбль В., 2014]². В качестве основного, определен концепт «власть», который, вслед за С.Льюксом [Льюкс С., 2010], можно осмысливать в теоретическом ракурсе и изучать на эмпирическом уровне. Причиной служит то, что «от нашего понимания власти зависит, сколько власти мы видим в социальном пространстве и где мы её локализуем» [Льюкс С. с. 23]. Размышления о характере современной власти детерминированы пониманием того, что она осуществляется посредством приведения масс к состоянию добровольного психологического «согласия» с (классовым) господством через культуру и идеологию [Грамши А.; Altshusser L.]. Ч.Тилли задавался вопросом о том, почему подчиненные группы, чьи интересы последовательно ущемляются, соглашаются с таким положением, а не сопротивляются ему [Tilly Ch. P.593 – 602]. М.Фуко много размышлял об ответе на вопрос о том, какие формы принимает власть и какие методы и практики применяются для обеспечения господства, которое он выявил «везде», в частности в аспектах социального взаимодействия и в дискурсивной сфере [Фуко 2002; Фуко 2006]. Наследие М. Фуко важно для исследования, т.к. он изучал дискурсивные формации, включающие способы восприятия и классификационного разделения в пространстве социальной жизни, утверждая, что любое разграничение на «нормальное» и «не нормальное» находится в зависимости от распределения «символической собственности», подразумевающей права социальных групп «говорить или высказываться», сконцентрированные в «очагах власти» и лежащие в основе всех теорий и практик, осознаваемых в контексте исторического периода [Фуко 2004]. Созданная им концепция дискурса, как основания взаимоотношений языка, социальной реальности и опыта, а также поздние работы о биополитике в Европе, с выходящими на главный план анализа отношениями власти и знания, использованы в нашей аналитической модели.

Значим и вклад Дж. Ролза, уделявшего внимание и роли институтов, и традиционно нормативным вопросам справедливости, равенства и прав человека. Он выразил мнение о

---

² Позволим себе не останавливаться на их детальном перечислении, поскольку наиболее значимые подробно освещены данными авторами. Нами были выделены только те аспекты и авторы, которые имеют принципиальное значение для достижения целей этой работы.

том, что лишь при условии справедливых политических институтов может выстраиваться справедливое общество, отметив их влияние на развитие интересов социальных групп [Ролз Дж. 2010].

Э.Гидденс, рассматривая особенности современного социального развития с позиций прерывистой интерпретации, подчеркнул уникальность и отличие его социальных процессов и институтов от традиционных. В его теории структуризации акцент поставлен на реальность альтернативных возможностей будущего, зависящего от выбора действующих в настоящем агентов [Гидденс Э. 2011]. Переход общества к постматериальным ценностям сопровождается снижением преклонения перед государственной властью, характеризуется толерантностью к меньшинствам, а в обществах с материальными ограничениями, наоборот, распространены ксенофобия и нетерпимость, культивируются неравенства [Инглхарт Р. с. 21].

В связи с развитием изучения символической тематики, изменилась методология исследований, сместившись в сторону социокультурного анализа с решающей ролью исследователя как посредника и участника, а не наблюдателя. Социокультурный анализ нацелен на объяснение значений, содержащихся в символических формах, а не только на описание изменений и классификацию зависимостей в теории социального конструктивизма [П.Бергер, Т.Лукман. 1995], в которых целью исследователей становятся правила практического взаимодействия в сообществе или организации, выявление механизмов конструирования реальности, механизмов повседневной типизации, необходимых для наличия понимания между партнерами по взаимодействию и коммуникации.

Социальные антропологи отмечают, что образцы практик социальных взаимодействий и символических коммуникаций могут существенно отличаться у разных культурных групп, поскольку оформляются под влиянием определенной системы (превалирующей ценностной основы массового сознания и правовой культуры). Но они обладают и потенциалом для изменений образцов социальных отношений, правил и установлений социального порядка [Ярская-Смирнова Е., Романов П., Михель Д.]. В частности, многие исследователи демонстрируют значимость гендерного анализа социокультурных норм, поскольку и пол, и сексуальность человека могут во многих культурах использоваться для узурпации власти или как инструменты социального контроля, поскольку отношения полов в них определяются как одна из форм властных отношений, структурирующих все сферы жизни человека. Феминистская идея заключается в необходимости изучения женских ролей, убеждений и практик в обществе, а гендерная расширяет эти группы без привязки к морфологическому (биологическому)

полу человека, но концентрируется на социокультурном, то есть тех смыслах и ролях, которые общество приписывает различиям по физиологическому и психологическому полу. В частности, феминистская мысль полагает, что женщины заключены в дихотомические структуры по отношению к мужчинам, в которых они и визуально незаметны, не представлены, либо фигурируют как обесцененные, молчаливые категории [Jordanova L. 1989; Здравомыслова Е., Темкина А. 2000], а также работы Э. Саида и постмодернистов, показавших наличие и других социально исключенных групп (например, не белых, не среднего класса, не юридических граждан и т.п.). Направление социокультурного анализа или культурной критики утвердилось в феминистской мысли, откуда заимствовано как необходимый компонент гендерных исследований. Его главное отличие от традиционной социологии заключается в суммировании методов и подходов разных гуманитарных дисциплин к анализу культурных стереотипов патриархатного сознания.

По мнению Л.Г.Ионина, само развитие социологической теории исключения возможно только при условии общественного дискурса равенства [Ионин Л. с. 53-55]. Он же отмечает, что общество существует только в культурной репрезентации, а культура репрезентирует генеральное определение социальной ситуации в представлениях людей, которые могут либо разделять активно, либо пассивно принимать ее формы [Ионин Л. с. 76]. Опираясь на такое понимание, определяют аналитические проблемы, которые ставит перед собой исследователь репрезентации, в частности, гендерных отношений, относя к ним социальное определение идентичности, тех, кто допущен, а кто вытеснен на периферию или за пределы социальной приемлемости; каким образом в репрезентациях оформляются различия в социальных сферах; как и с помощью каких выразительных средств очерчиваются границы между группами, как сравниваются между собой и характеризуются люди в отношении друг к другу? [Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Михель Д. с. 130].

В XX веке человечество пережило катастрофы в результате господства тоталитарных идеологий, что выразилось в практиках дегуманизации целых сегментов населения, среди которых жертвы холокоста и ненависти человека к человеку на основании измышлений о «различиях». После двух мировых войн цивилизация осознала необходимость ограничивать возможности авторитарных лидеров для массовой дискриминации и уничтожения людей, разработав право прав человека. Не смотря на критику концепта прав человека за «универсализм» без учета стратификационных характеристик (пол, гендер, класс, раса, этничность, принадлежность к социальной страте, уровень образования, доход, территорию проживания), международная система

развивается, расширяется понимание её фундаментального значения для духовной культуры в качестве ориентира для развития правовых культур национальных государств, гражданственности глобализированного общества. Однозначного определения института защиты прав и свобод человека (правозащитного механизма) не прослеживается. В международном дискурсе институциональным механизмом защиты прав человека является Омбудсмен, определяемый как «достойное доверия независимое лицо, уполномоченное парламентом на охрану прав отдельных граждан и осуществляющее опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми государственными должностями» [Бойцова В. с. 408]. Дискурсивно-символическое измерение социокультурных практик государственных правозащитных организаций в России будет рассмотрено ниже в аспектах анализа визуальных коммуникаций.

Для интегрирования описанных подходов социальной теории и перечисленных концептов, неоценимый вклад вносят идеи Дж.Александера, фокусирующегося на выработке новых подходов к интерпретации роли смыслов в социальной жизни [Кравченко С. с. 13-22; Масловская Е. с. 70-79]. Суть своего синтезированного подхода Дж.Александер определял в том, чтобы находить и изучать «культуральные структуры», то есть «внутренние, латентные, как правило, неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте относительно устойчивых смыслов социальной жизни» [Кравченко С. с. 14], полагая, что эти смыслы являются и внешними, и внутренними у акторов. Кроме того, они структурированы и производятся социально, даже при условии, что остаются невидимыми. Именно в том, чтобы сделать их видимыми и научить людей их видеть, и заключается цель его исследований.

Дискурсивно-символическое измерение правозащитных практик государственных организаций в регионах применено нами с привлечением визуальной методологии при социокультурном анализе практик и для того, чтобы рассматривать выраженную визуальным образом коммуникацию региональных уполномоченных для анализа их практической деятельности:

- 1) как организации, призванной олицетворять и имплементировать в социальные практики ценности демократической гражданственности, включающей гражданские добродетели современности и прав человека;
- 2) как государственного российского института защиты прав человека;
- 3) как структуры, осуществляющей функции связанные с развитием гражданско-правовой культуры населения;

4) как элемента социальной политики, на практическом уровне работающего с предотвращением или исправлением ситуации в отношении дискриминируемых групп населения и социальных неравенств.

Каждое из перечисленных направлений включает в себя визуальные компоненты, способные репрезентировать через дискурс как организационно-профессиональную культуру офиса и его реакции на наличествующие в обществе социальные проблемы, так и транслируемые по отношению к социальным группам идеологически окрашенные коммуникативные стратегии, содержащие в себе отношения власти. Данное исследование носит прикладной характер и осуществлено в русле парадигмы смешанных методов [Tashakkori A. & Teddlie Ch. pp. 95-117]. Прежде чем приступить к аналитическим процедурам с визуальными компонентами, необходимо было:

- на основе изучения форм деятельности РУПЧ по гражданскому образованию и правовому просвещению, выделить показатели для анализа;
- охарактеризовать взаимосвязи теоретико-методологических основ для создания рамок прикладного исследования визуальных текстов;
- определить методику сбора данных и обосновать выборки;
- определить структурные элементы и коды семиотического анализа;
- разработать инструментарий (для сбора и для анализа данных);
- собрать и систематизировать данные (через веб-контент и структурный контент-анализ материалов);
- провести с сегментами выявленных данных необходимые процедуры критического дискурсивного исследования;
- визуализировать полученные количественными методами результаты;
- описать результаты, полученные при качественной интерпретации смысловых компонентов.

Перед проведением анализа визуальных компонентов деятельности учреждения, необходимо было уделить внимание в целом перспективе формирования практик и форм деятельности РУПЧ в сфере гражданско-правового образования и правового просвещения, чтобы выявить показатели для создания кодов³ социокультурного анализа эмпирического

---

³ Отметим, что нами заимствована сама идея разработки кодов у Дж.Александера, но отвергнута «бинарная оппозиционность» его модели, поскольку она задает, на наш взгляд, излишне жесткие рамки анализа. Мы полагаем, что спектр проявлений дискриминации шире бинарных кодов и может располагать «репертуаром практик» со множеством оттенков, которые зависят от многослойности общественного сознания, что особо проявляется в постсоветской ситуации, когда задействуются культурные коды из разных исторических эпох, поддержанных наличием живущих поколений и символами, созданными или закрепленными конструированием социального времени нескольких политических режимов. Нами разработаны преимущественно «позитивные» (ожидаемые) коды, а их отсутствие в визуальных проявлениях признается «дискриминационными» или умалчиваемыми.

материала. В ряде регионов, где создание и функционирование института было поддержано со стороны гражданского общества, а у государственных структур имеется понимание значимости его задач, уполномоченными уделяется внимание реализации системного правового просвещения. Ими инициируются региональные программы образования, базирующиеся на оценке/измерении (распознавания) нарушений и дискриминации по любому признаку в политической, экономической и социально-культурной сферах.

Методический инструментарий для визуального исследования используется, чтобы получить информацию не только об изображенной реальности, но и о создателях изображения. Общие методы визуального исследования делятся на самостоятельные категории⁴: 1) предназначенные для анализа содержания (контента) визуального текста, что помогает выявить и описать параметры организации текста, реализацию в его структуре социальных и культурных смыслов; 2) предназначенные для выявления и анализа контекста для визуальных данных, базирующиеся преимущественно на участвующих и опросных методиках, интервью, когда изучается восприятие текста потребительскими группами или условия его создания [Соболева К. с. 16]. Второе направление в данном исследовании не рассматривается, поскольку нас интересуют именно проявления социокультурных смыслов в уже существующем дискурсе института, который он формирует или транслирует посредством визуального материала, размещенного сотрудниками на сайтах. В комплексном подходе А. Сарны некоторые теоретические традиции анализа визуальных текстов методически объединены в разборе изображения как визуального сообщения, адекватного объекту в соответствии с репрезентацией (внешней реальностью) и внутренним смыслом текста [Сарна А. с. 119-132]⁵.

П. Штомпка предложил иной способ анализа содержания визуальных образов (на примере фотографий) с использованием метода контент-анализа, применяемый при исследовании не одиночных фотографий, а серии (у нас – кластера), что позволяет найти и описать регулярные зависимости между общественными явлениями. Нам представляется возможным использовать контент-анализ с целью сбора эмпирических данных для сравнительного изучения в кросс-региональном варианте. Таким образом, можно определить визуальные элементы, которые являются существенными с позиции

---

⁴Соболева К. В. О методах анализа визуальных данных. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXXIII международной научно-практической конференции (27.01.2014), г. Санкт-Петербург. – с. 16.

⁵Сарна А. Я. Образ и медиум: основные принципы и методы анализа визуальных текстов СМИ //Теория и методы исследований социальной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. О.В. Терещенко. Минск: БГУ, 2009. С. 119-132.

обозначенной проблемы или исследовательского вопроса, количество их появления в отобранной коллекции фотоснимков, а потом провести интерпретацию количественных результатов. Им разработаны этапы реализации такого анализа: во-первых, определение и формулировка исследовательских задач; во-вторых, выбор объекта, способного предоставить визуальный материал по интересующей проблеме; в-третьих, отбор снимков, на которых зафиксирован выбранный объект; в-четвертых необходим протокол кодирования текста с вычленением значимых элементов образа, которым присваиваются категории (обладающие двумя характеристиками: исчерпывающий охват признанных важными элементов и разъединительность, то есть возможность проводить идентификацию каждого элемента, без четких границ между ними); в-пятых, проведение кодирования снимков с присваиванием установленных категорий каждому; в-шестых определение частоты появления каждой из категорий в выборке с количественных позиций (может быть определением наличия элемента или включать процедуру подсчета появлений, или устанавливать описание появления определенной черты или ее противоположности); в-седьмых, формулирование выводов через описание, эмпирические и теоретические обобщения, вытекающие из проанализированного материала [Штомпка П. с. 48-54].

Важно отметить, что визуальные практики относятся и к средствам самоидентификации субъектов коммуникации через конструирование образов в качестве обозначения персональных особенностей самовосприятия и принадлежности к социальному сообществу, что проявляется особо в фотографии. За рамками данного исследования мы оставляем все виды фотографического поведения, кроме позирования или выбора фото для помещения в канал внешней коммуникации (веб-сайт уполномоченного), что призвано отразить или создать «образ» не только персоны, занимающей позицию, но образ этого персонализированного института.

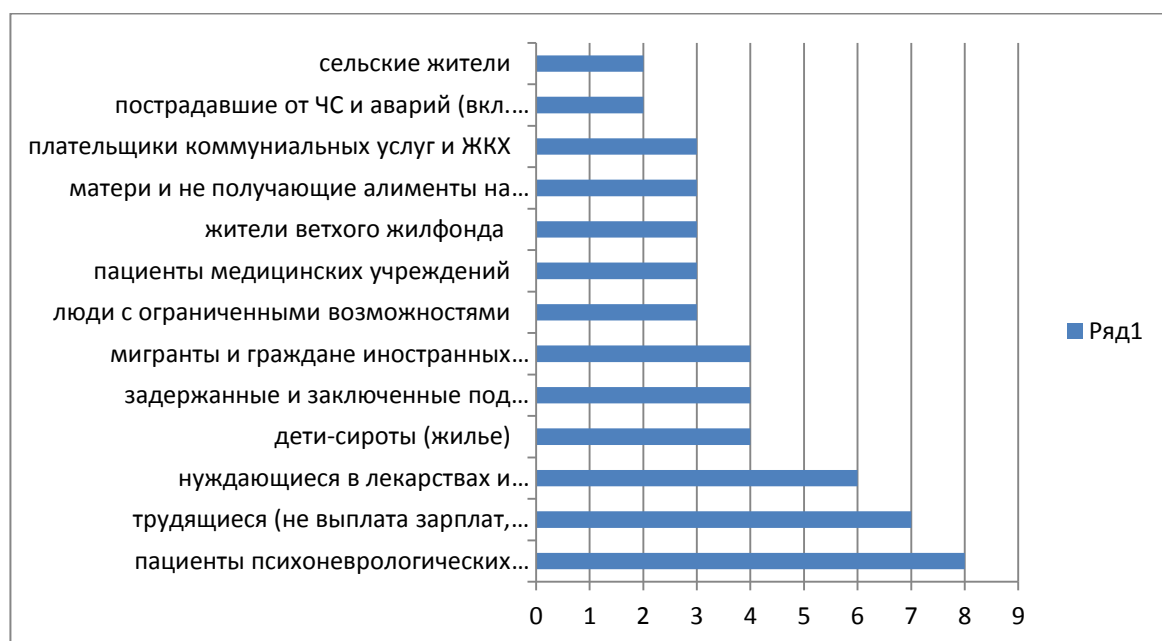
В результате социокультурного анализа коммуникаций РУПЧ через их сайты получены следующие распределения и выводы:

Ценностные компоненты демократической гражданственности в недостаточной степени присутствуют в деятельности государственного правозащитного учреждения в России, не смотря на то, что его происхождение и функционирование связаны с процессом интернационализации культуры прав человека. В условиях современной ситуации в России, при отсутствии специализированных (антидискриминационных) механизмов, призванных разрешать социальные конфликты и восстанавливать права пострадавших, РУПЧ целесообразно перейти к модели деятельности, которая более результативно сможет функционировать в сфере развития правовой культуры и

социальной сплоченности через включение «гражданских правозащитных практик», осуществляющих защиту прав человека в формате общественного активизма и ориентируясь на принципы современного демократического социального государства.

Наиболее актуализированными «проблемными» направлениями, исходя из анализа обращений и Специальных тематических докладов, в современном российском обществе являются нарушения социально-экономических прав, затрагивающих широкие слои населения (особенно по вопросам жилищно-коммунального и медицинского обслуживания), а так же нарушения прав конкретных социальных групп, уязвимых по биополитическим основаниям (пенитенциарные учреждения, закрытые медицинские учреждения, центры временного содержания мигрантов, выполнение репродуктивной функции женщинами, жизнедеятельность людей с инвалидностью, пожилых людей), что отражено на диаграмме № 1.

Диаграмма № 1: Специальные доклады (социальные группы > 1, N = 63)

Выявлено, что институт РУПЧ создает повышенные по сравнению с иными органами власти возможности для женского политического участия. На основании подходов гендерных исследований, можно полагать, что это может быть связано как с его маргинальной позицией в дизайне органов власти, поскольку он преимущественно выполняет социальные функции, так и с признаком его более демократической профессиональной культуры (данные приведены на диаграммах 2-4).

Диаграмма № 2: Гендерный состав РУПЧ (N=82, 1.10.2015)

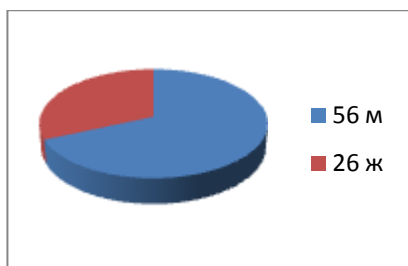

Диаграмма № 3: Возрастной состав в гендерном варианте (N=82)

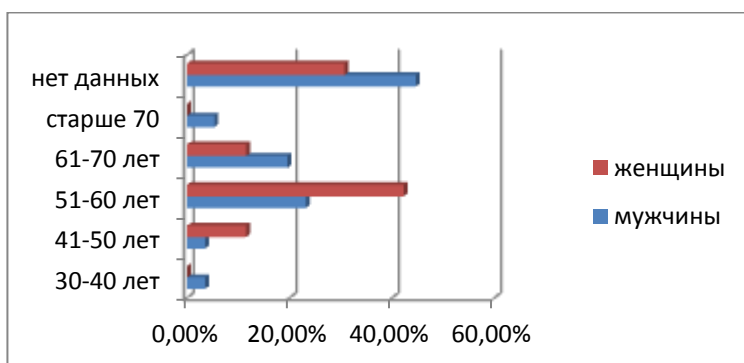
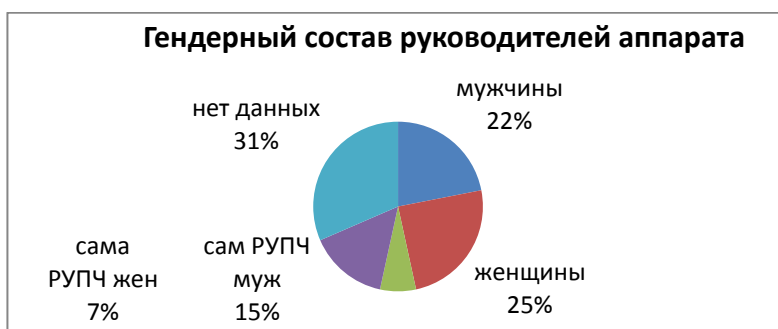

Диаграмма № 4: Руководство аппаратами РУПЧ (N=82)

Уполномоченный по правам человека, являясь инновационным для российской правовой культуры (находясь на этапе идентификации), несет в себе символическое значение «демократизации» государства и общества, а также обладает полномочиями и возможностями по развитию репертуара практик просветительской работы, но слабо включает в профессиональную повестку аспекты разъяснительной деятельности по соблюдению и защите прав конкретных дискриминируемых групп, способствования преодолению и смягчению социальных неравенств, мало проводит недискриминационную визуализацию социальных проблем, продвижение в культуру профессии и общества гражданских правозащитных практик. Основными барьерами для внедрения и осуществления гражданских правозащитных практик региональными уполномоченными, как показывает исследование, могут являться недостаточное количество материально-

технических ресурсов и (компетентных) сотрудников в аппарате, социокультурные особенности региона, недостаточные компетенции уполномоченных и идеологическое воздействие риторики власти на всех уровнях в современный период.

При сплошном (скрининговом) анализе сайтов выявлены и проанализированы компонентные категории визуального дискурса уполномоченных. К ним отнесены для оформления коммуникации через сайт учреждения: использование официальной символики власти, официальная символика самого учреждения, персональные портретные фото руководителя, элементы оформления информационно-просветительских продуктов и материалов, практики видео сопровождения мероприятий и проектов (*последнее не рассматривается в рамках данной статьи, поскольку требует дополнительных исследований* – Т.Б.). С использованием гендерного анализа составлен коллективный портрет РУПЧ: люди обоих полов (преимущественно мужчины) старшего среднего возраста (50 - 60 лет), социализированные в советское время, имеющие профессиональные достижения, обладают высшим юридическим образованием, часто дополнительно к первому техническому у мужчин или социально-гуманитарному у женщин, благополучное семейное положение и материальный достаток. Для «успеха» практик института значимы возраст, гуманитарное социально-педагогическое образование (приводится пример на графике №1), опыт общественной работы и международных контактов.

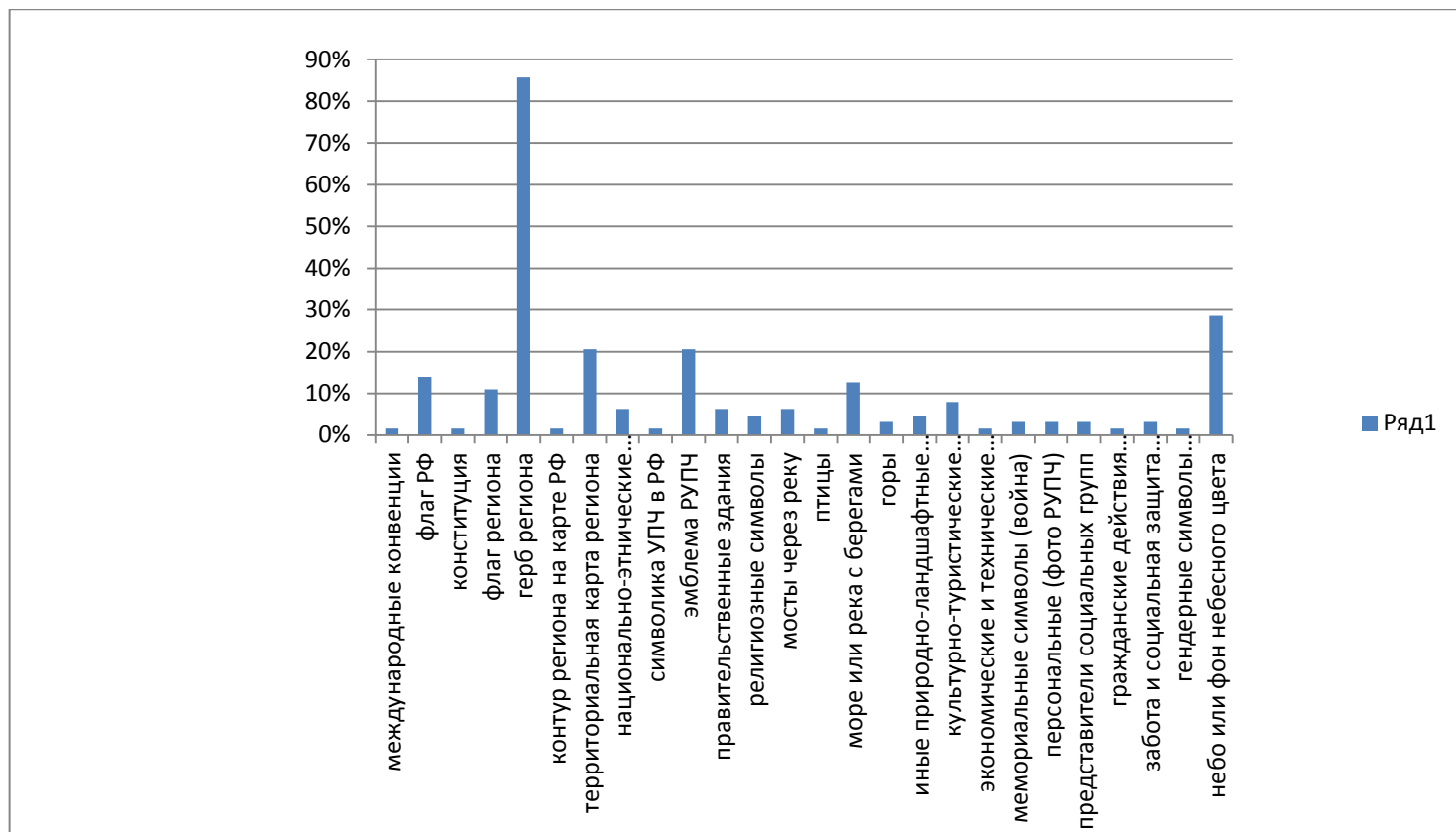
График № 1: Образование РУПЧ и визуальные практики (N=63)

Полученные результаты социокультурного анализа показывают, что у большинства уполномоченных в сфере политики организации и визуальной социальной коммуникации существует нерефлексивное использование символов и визуальных элементов, что может

порождать сложности, проявленные в позиционировании учреждения, презентации культуры профессиональной группы и персональной идентичности. Можно заключить, что официальная символика преимущественно подчеркивает региональные маркеры, выстраивается по типу «брендинг региона», а не направления защиты прав человека, социальной политики, общечеловеческие гуманитарные ценности (Смотри График №2).

График № 2: Символы и образы в оформлении шапки сайта (N=63)

Выявлено, что женщины более склонны использовать в оформлении сайтов «неформальные» визуальные элементы, включают в «шапку» фото социальных групп или комбинированные символические сообщения (коллажи, графику). Мужчины ограничиваются официальными эмблемами или апеллируют к государственным символам (флаг, герб), что отражено на диаграммах 5-6.

Диаграмма № 5: Фото РУПЧ на сайте (N = 63)

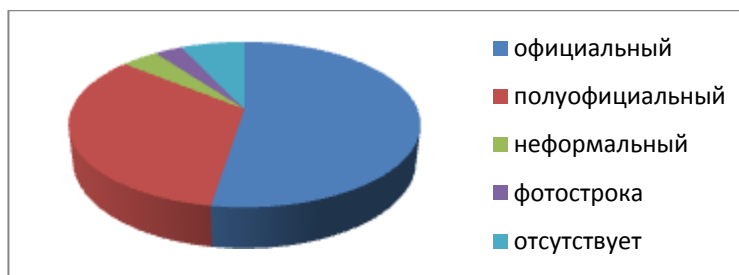
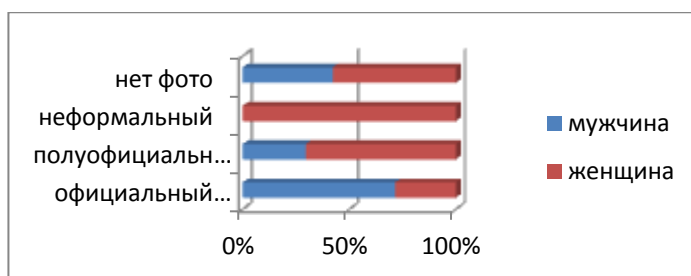

Диаграмма № 6: Гендерные различия в фото образе РУПЧ (N = 57)

Выявлены и дискриминирующие репрезентации в адрес социальных групп и проблемных измерений, с которыми, исходя из функциональных особенностей, уполномоченные призваны бороться (отмечены в таблице выше). Выявленные проблемы: социокультурная дискриминация и «невидимость» проблемных измерений нарушений прав женщин, элементы «виктимизации» людей с ограниченными возможностями и пожилой когорты, нерелексивное к особенностям этнической культуры заимствование «визуальных цитат» в эмблемах, «отталкивающий» маргинальные группы портретный образ, элементы классового превосходства, исключительно локальная идентификация без апелляции к международным «культурным кодам», излишне подчеркнуты образы патриотизма монархически-имперского толка, наличествует дискурс доминирования национально-этнических и религиозных приоритетов. Этнос «правозащитного» и «гражданского» отчетливо не проявлен. Визуальные коммуникации РУПЧ содержат в себе целый ряд дискриминационных дискурсов (Приведены в Таблице № 1).

Таблица № 1. «Визуализация» дискриминации (N = 27)

наиболее частые дискриминационные коды	"невидимые" группы, "умалчиваемые" проблемы
дети только с женщиной	бездетные семьи и потребность в ЭКО
дети на фоне денежных знаков	насилие в личных отношениях
пожилые люди как нуждающиеся	убийства (ради семейной/родовой) чести
пожилые люди одиноки (женщины)	принуждение к браку или деторождению
только "проблемные" части тела инвалидов	(культурные) практики членовредительства (девочек)
беспомощность инвалидов при передвижении	(культурные) запреты на медпомощь (женщинам)
только живот беременной женщины	торговля людьми и органами

женщина или девочка как жертва	условия подобные рабству (особенно мигранты)
экономически зависимая женщина	расизм
стереотипная сегрегация профессий по полу	ксенофобия
мигранты "ходят строем" под конвоем МВД	работа на опасном производстве
мигранты преимущественно (азиатские) мужчины	женская инвалидность (включая не колясочную)
заключенные "строем" при беседах с РУПЧ	множественная дискриминация (включая этническую)
заключенные только мужчины	положение народа Рома (цыган)
инвалиды только мужчины и колясочники	проблемы людей с редкими заболеваниями (лекарства)
только православные храмы	военнослужащие (и инвалиды военных событий)
сельские поселения "в разлуке"	гражданский протест (очень редко)
"маленькие люди" в руках экспертов	молодежные группы и их социальные проблемы
ветераны преимущественно мужчины	"бомжи" и беспризорные
дорогая одежда при общении с малообеспеченными	"отсутствуют" пациенты закрытых учреждений

Относительно выявленных динамических (видео) типов визуального дискурса, отметим лишь, что нами они обозначены как **«информирующий»** в направлениях: *«презентация персоны и деятельности»* (информирование о работе и достижениях) и *«презентация социально значимой темы»* (обозначение их наличия). Он доминирует количественно, но выявлены три уникальных (в разных сегментах) практики визуальной гражданской правозащитной коммуникации: две обозначим как **«проблематизирующий»**, подразделяющийся на: *«проблемы социума в объективе»* (демонстрацию усложняющихся общественно-политических отношений в определенный период времени и на территории Республики Чечня) и *«обличающий виновников поломанных судеб»* (на примере конкретных историй правового нигилизма или безразличия чиновников, разрушающих жизни в Ульяновской области). Третий обозначен как **«ресоциализирующий»**, в нем предпринята попытка обозначить (и интегрировать) указанные выше, и предложить вариант конкретной помощи представителям социально уязвимых групп с использованием социально-культурных технологий (Челябинская область).

Источники:

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. - М.: «Медиум», 1995.
- Бойцова В.В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. М., 1996. 408 с.
- Гидденс Э. Последствия современности. - М.: Праксис, 2011.
- Грамши А. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1980.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс // Хрестоматия феминистских текстов. - СПб.: 2000;

Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 6 – 32.

Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / пер. с нем. К.И.Тимофеевой. – СПб.: Алетейя, 2014. – 840 с.

Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические чтения. Вып.1.- М.: Ин-т социологии РАН, 1996.- С.53-55.

Ионин Л.Г. Социология культуры. - М.: Логос, 1996. С.76.

Кравченко С.А. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария // СОЦИС, 2010. - № 5. С. 13-22.

Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кырлежева. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 240 с.

Масловская Е.В. Эволюция западных концепций социологии права и гражданской сферы // СОЦИС, 2010. - № 12. С. 70-79.

Ролз Д. Теория справедливости / пер. с англ., пред. В.В. Целищева. – М.: Изд. ЛКИ, 2010. – 536 с.

Саид Э. Культура и империализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. - СПб: Издательство «Владимир Даль», 2012;

Сарна А. Я. Образ и медиум: основные принципы и методы анализа визуальных текстов СМИ //Теория и методы исследований социальной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. О.В. Терещенко. Минск: БГУ, 2009. С. 119-132.

Соболева К. В. О методах анализа визуальных данных. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXXIII международной научно-практической конференции (27.01.2014), г. Санкт-Петербург. – с. 16.

Соболева К. В. О методах анализа визуальных данных. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXXIII международной научно-практической конференции (27.01.2014), г. Санкт-Петербург. – с. 16.

Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. – М.: Праксис, 2002;

Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. – М.: Праксис, 2006.

Фуко М. Ненормальные / Пер. с фр. и послесловие А.В. Шестакова, предисловие В.Ю. Быстрова. СПб.: «Наука», 2004. – 432 с.

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / П. Штомпка; пер. с пол. Н.В.Морозовой, авт. вступ.ст. Н.Е.Покровский. – 2-е изд. – М.: Логос, 2010. – с. 48-54

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Михель Д.В. Социальная антропология современности: теория, методология, методы, кейс-стади: Учеб.пособие. Саратов: ООО Изд-во «Научная книга», 2004. – 335 с.

Altshusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // Lenin and Philosophy and Other Essays / trans. B.Brewster. London: New Left Books, 1971.

Jordanova L. Sexual visions: images of gender in science and medicine between the Eighteen and Twentieth Centuries. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1989.

Said E. Orientalism. New York: Vintage Books, 2003.

Tashakkori A. & Teddlie Ch (ed) / Sage Handbook of Mixed Methods in Social and Behavioral Research. 2010. pp. 95-117.

Tilly Ch. Domination, Resistance, Compliance... Discourse // Sociological Forum. 1991. №6. P.593 – 602.